

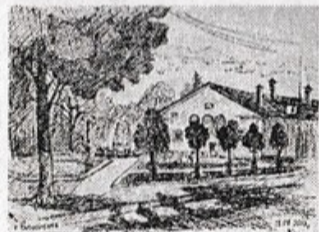
Творческое объединение «ЗЫБЧАЕ» представляет ЛИТЕРАТУРНУЮ СТРАНИЦУ

**Владимир
ВИНОГРАДСКИЙ**

Вот и солнце вышло,
Миру улыбнулось,
И почти не слышно
Лето к нам вернулось.
Так давайте, люди,
Повернёмся к свету
И готовы будем
К каждому рассвету.
Чтобы, их встречая,
Радоваться зорям,
Чтоб забыть печали
Дней, прожитых с горем.
Чтобы снова радость
Зазвучала в душах,
Чтоб умели малость –
Видеть мир и слушать.

**Елена
АКШЕВСКАЯ**

А я люблю деревню,
мне душно в городах,
Тут жухлые деревья,
слои пыли на кустах,
И шум на рёв похожий, вгры-
зается в тебя,
И каждый здесь прохожий
всегда сам за себя.
А я всё вспоминаю
селенье в семь дворов,
Где все друг друга знают,
помочь любой готов,
Где радость и печали
делились пополам,
А как гостей встречали,
и радовались вам!
Вставали с зорькой ранней,
чтоб стадо в поле гнать,
С горбушкой в кармане
и солью – посыпать.
А вечером при свечке
глотали мудрость строк.
И бабушка у печки
готовила пирог...
И месяц тонким краем загля-
дывал в окно...
То место было раем!
Да где теперь оно?

Художник Мария
КРАВЧЕНКО. «У ФОНТАНА».

**Татьяна
САМУСЕНКО**

СОЛНЦЕ НА РАССВЕТЕ
Розовеет небо на востоке,
Новый день вступил в свои
права.
Солнце разольёт лучи широко,
Горизонт переступив едва.
А на юге неба, всё бледнее,
Смотрит грустно на восток
луна;
Повстречаться солнцем не
успеет,
Растворится вскорости она.
Ох, и солнце! Встало, засве-
тилось:
Ослепляет бело-рыжий круг;
Над землёй весенней
устремилось
Только вверх, всё радуя
вокруг.
В ранний час щебечут гром-
ко птицы.
Вот, взлетела парочка сквор-
цов,
Прыгают по веткам две
синицы –
Мир природы дальше жить
готов.
Разливая золото по крышам,
Украшая блёстками траву,
Светоч в небеса взмывает
выше,
Обнимая новую листву.

Константин ПОПОВ

YESTERDAY, или ВОЗВРАЩЕНИЕ В ПРОШЛОЕ

Сообщение на моей странице в социальной сети было неожиданным и кратким:

«Коля, здравствуй! Я Алла Бакланова, мы с тобой в одно время учились в пединституте, только я на литфаке. Я тебя хорошо помню. Сейчас живу в Крыму, в Симферополе. Как у тебя дела?»

Господи, сколько времени прошло, Аллу я не видел, считаю, уже лет сорок. Неужели это та девушка, думал я, глядясь в фотографию моей адресатки, с которой дружил мой однокурсник Боря Комиссаров? Минувшее с быстротой киноленты и чёткостью цифрового монитора пронеслось передо мной. Вот она, стройная и воздушная, летит, именно летит по коридору института, принимая наши восхищённые и пылкие взгляды. Счастливая и беспечная, она казалась пришедшей из другого мира. Боре я немножечко завидовал, когда они вместе шли с занятий, взявшись за руки. Какими влюблёнными глазами смотрела она на него. Алла нравилась ему, я это знал, ибо был в курсе его адюльтеров, хотя своими отношениями с противоположным полом он не кичился.

С Борисом мы были знакомы и дружили с детства. Жили на одной улице, учились в одной школе, поступили вместе в институт на один факультет. Отец его был начальником одной из местных строительных организаций, мать работала бухгалтером, была у него и старшая сестра. Я часто бывал у него дома, где, увлечённые тогдашними модными ритмами, бацали дуэтом под гитару песни битлов и роллингов, пока нас не звала попить чаю на смеси русско-еврейских слов его бабушка, древняя сгорбленная старушка. Я понимал не всё, что она говорила, однако Боря бойко отвечал и разговаривал с ней на идиш.

Несмотря на чистую еврейскую родословную, он был ярко выраженным блондином с холодно-бледным лицом альбиноса и такой же светлой кожей рук и тела. Даже побывав в нашем летнем студенческом лагере на море, он возвращался неизменно белым и незагорелым.

Девушки его всегда замечали. Статный, начитанный, умеющий включиться в разговор, любящий музыку, в общем интересный молодой человек, как тогда говорили, он всегда мог поддержать любую компанию. И когда представил мне свою новую пассию Аллу, я не удивился. Они очень подходили друг другу. Она была на вершине счастья. Это излучали её поведение, лицо и глаза. Казалось, только что-то невероятное и противоестественное может их теперь разлучить.

На сообщение Аллы я ответил почти сразу. Путешествие по её аккаунту мне ничего не прояснило, кроме того, что у неё теперь другая фамилия. Поэтому в конце письма не удержался и спросил про Бору. Знает ли она где он сейчас? Ибо я давно потерял с ним всякую связь. Она ответила, что очень рада переписываться со мной, рассказала про себя: «В Крыму живу двадцать пять лет, замужем, ещё работаю учительницей в гимназии, сын и дочь уже взрослые, есть внуки». К письму были приложены семейные фотографии и электронный адрес, на котором разобрал написанную латиницей фамилию «komissarov». Никаких комментариев к нему не было.

Прошлое снова встало предо мной. На последнем курсе, весной, я получил от Бориса приглашение на свадьбу. В нём говорилось, что Софья и Борис приглашают меня такого-то числа на церемонию бракосочетания и затем в ресторан «Берёзка» разделить с ними радость начала совместной жизни. Разрыв отношений с Аллой он от меня не скрывал. Просто сказал, что встретил другую, что Соня очень хорошая девушка из соседнего города и он решил на ней жениться.

Несмотря на то, что Аллу я встречал тогда по-прежнему часто, ничего у неё не спрашивал. Да и какие могут быть вопросы, если всё было и так ясно. Тем более видел в каком подавленном состоянии она находилась. И куда только делась её горделивые осанка и взгляд. Она старалась тихо, как тень, проскользнуть мимо, лишь слегка, кивком головы, отвечая мне на приветствие. Лицо её потемнело, осунулось, глаза смотрели всё время вниз, как будто она стеснялась всех или, возможно, ей казалось, что все показывали на неё пальцами и говорили: вот она, брошенная и покинутая. Сразу после окончания литфака Алла уехала по распределению. Одна и безвозвратно.

Свадьба Бориса прошла по первому классу. Было много гостей и подарков молодожёнам. Его невеста Соня, хотя и не была лишена миловидности, явно уступала внешними данными Алле. Это откровенно бросалось в глаза. Наш студенческий ансамбль, в котором состоял и я, сыграли на бис, в том числе и несколько наскоро выученных еврейских

мелодий: «Семь сорок», «Шар голубой», «Одесса мама» и других. Я спел нашу любимую с Борей песню Пола Маккартни «Yesterday». Последний куплет – на русском:

«Без тебя мне не будет счастья никогда,
И сегодня вспоминаю я
О том, что потерял вчера...»**

Борис подошёл ко мне, помолчал, как будто вспоминал. Потом попросил исполнить что-нибудь весёлое. Я ударил по струнам: «Живёт моя отрада...»

После свадьбы и окончания института он несколько лет работал в нашем городе. В школу Борис не пошёл, был директором фильмотеки, потом Дома пионеров, поэтому мы иногда встречались. В конце перестройки, когда строгая миграционная политика ослабла, он как-то зашёл ко мне на работу в училище и сказал, что уезжает с семьёй и детьми в Израиль. Разговора у нас тогда не получилось и больше я его с тех пор не видел.

В электронном письме по адресу, который сообщила мне Алла, написал, что я, Николай Касаткин, не совсем уверен в том, что пишу Борису Комиссарову и прошу подтверждения. В качестве пароля попросил продолжить куплет нашей любимой песни:

«Я вчера огорчений и тревог не знал...». Ответное послание пришло очень быстро и начиналось, как и предполагал: «Я вчера ещё не понимал, что жизнь не лёгкая игра». Отзыв был правильный. Всё сошлось. Это действительно был Борька.

Нашей радости от случившейся после многих лет заочной встречи, казалось, не было конца. Несколько писем были посвящены воспоминаниям юности, однокурсникам, общим знакомым, работе, семье, детям. Жил он к тому времени уже в Москве, долгое время работал директором Дома культуры. За границей пробыл недолго, не смог там прижиться, вернулся через три года пребывания на земле обетованной... В одном из постов я признался, что его координаты дала мне Алла.

Он сообщил, что знает адрес Баклановой, несколько раз пытался с ней связаться, но она ни на одно его письмо не ответила. Чувствовалось, что он что-то недоговаривает.

Мне вспомнилась настоящая подоплёка разрыва его отношений с Аллой, о чём узнал несколько позже. Родители Бориса и Сони, давние знакомые, договорились породниться, скрепив брачными узами своих детей. У Сони был старший брат, который стал мужем сестры Бори, а тот должен был взять в жёны его сестру. Противиться родителям Борис не посмел. Алла просто стала заложником этого брака по расчёту. И конечно, она обо всём этом знала с самого начала.

Я уже не осуждал Бориса, как и не выражал сочувствие Алле. Думал, что время давно притупило бушевавшие когда-то чувства, у каждого из них теперь своя жизнь. Случившееся вскоре крымские события затмили на какое-то время всё остальное. Алла с восторгом приняла то, что произошло, сообщала мне об изменениях, произошедших в её и всех крымчан бытие. Боря наоборот, стал писать мне всё реже, часто ездил, как он объяснял, на курорты за границу, иногда описывал мне южные красоты. Потом письма от него совсем прекратились.

Через какое-то время встретившийся мне знакомый, дальний родственник моего друга сообщил, что Борис Комиссаров умер два месяца назад. Давняя онкология. Он перенёс несколько операций, но это не помогло. Трагическая весть повергла меня в ступор.

Только через несколько дней я сообщил Алле о смерти Бориса. Она очень долго не отвечала. Потом вдруг получил от неё по Интернету фотографию – случайно сделанное любительское фото с неожиданной припиской: «Это единственное, что осталось у меня на память о Боре. Скачай, потому что скоро удалю, я её прячу от мужа. Он до сих пор ревнует меня, поэтому я так ни разу Борису не написала. И очень жалею. Сейчас уже писать некому. Я всегда его любила. Всю свою жизнь...».

С пожелтевшего от времени снимка на меня из нашего, казалось, недавнего вчерашнего смотрели с радостными улыбками Борис и Алла.

Я надел наушники и включил старую запись. Знакомый голос выводил до боли памятный припев:
«Нет, нам не найти,
Кто же прав, кого винить.
Нет к тебе пути,
Нам «вчера» не возвратить...»

**Здесь и дальше поэтический перевод с английского М. Подберёзского.

**Любовь
ЛАБУТИНА**

Уходило лето, уходило...
Звонкой каплей стукнуло в окно,
На прощанье нежно подарил
От лозы прозрачное вино.
Звездопадом украшало небо,
В дар несло Пречистой
Рождество,
Заставляло верить в быль
и небыль,
Верить в вечной жизни
торжество!

«ЛЕТНИЕ ЦВЕТЫ».
Фотозёмка Леонида
ГОРБАЧЕВА.

**Александр
ЕРМОЧЕНКО**

«Я не люблю фатального
исхода...» В. Высоцкий.

Я не люблю, когда меня ругают
И похвала особо не по мне...
Когда вперёд все время забегают,
Или когда в любви как на войне.
Я не люблю, когда повсюду
лужи,
Или стоит неделями жара...
Себя я не люблю, когда не нужен
Стал никому – до вечера, с утра.
Я не люблю, когда не понимаю
Хромых, косых
и сгорбленно-кривых...
Я не люблю, когда не обнимают
Последних из оставшихся
в живых.
Я не люблю дорогу без возврата,
Когда любимые уходят
навсегда...
Я не люблю ругаться громко
матом,
И, всё-таки, ругаюсь иногда.
Я не люблю предательства
и разлуку,
Или когда неискренне смеюсь,
Ещё когда заламывают руку –
Себя я не люблю, когда
напысью.
Я не люблю, когда слабеет
правда
И чувствует себя сильнее ложь...
Я не люблю несбывшегося
завтра,
Которое полжизни ждешь и
ждешь...

**Татьяна
ПОЖИЛЕНКОВА**

СУМА

Собираю горести в рюкзачок,
Раньше было кроссбоди
через плечо.
С каждым днем сума тяжелей.
(Не рыдаю, не молчу, не
жалею)...
Торба, хобо, сетчер и седл
(Ты уже поспал и поел),
Я же изучаю нью-сейл,
Чтобы шоппер мой не пустел.
Я бы предпочла минодьер
(Но желаньям есть свой
предел).
Слинг, браслет и саквояз,
Чемодан – в мифичный
вояз.
Купол, дипломат и кiset –
Сколько у меня сумок нет!
Торба и ведро, лучше –
клатч,
Успокой: «Нет –
и не плачь».
Жизнь, она проста
и неброска,
Если есть рюкзак
и АВОСЬКА.